

А. Л. ЯКОБСОН. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983, 170 с., ил.

А. Л. ЯКОБСОН. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1985, 152 с., ил.

Две рецензируемые книги являются логическим итогом творческого пути видного исследователя средневековой культуры (особенно архитектуры) Крыма и Закавказья А. Л. Якобсона (1906—1984). Всегда склонный к выявлению общего на любом конкретном материале, А. Л. Якобсон здесь попытался выявить это общее на почти не ограниченном материале средневековой архитектуры.

А. Л. Якобсоном была задумана и написана монография в двух частях, посвященных памятникам с IV—V по VII—VIII вв. и с IX—X по XIV—XV вв. Первая из двух рецензируемых книг является публикацией первой части этой монографии, вторая же—резюме обеих ее частей. Актуальность и новизна этих книг для советской истории архитектуры явствует уже из их названий и названий их разделов.

Действительно, прежде всего, А. Л. Якобсон впервые вводит в оборот средневековую христианскую архитектуру стран негреческого Востока, со временем ставших странами средневекового мусульманского мира, Малой Азии, Сирии, Месопотамии и Палестины, опуская лишь средневековую христианскую архитектуру Египта и сопредельных стран, а также Крыма и Кавказской Албании. Кроме того, автор впервые рассматривает средневековую христианскую архитектуру как единое явление, а не как простую совокупность средневековых христианских архитектур стран латинского Запада, греческого (со временем греческо-славянского) и негреческого Востока, преимущественно соответствующих современным этнополитическим общностям, опуская средневековую христианскую архитектуру стран латинского Запада (за исключением Италии, сведенной к Равенне), но привлекая как сравнительный материал зрелую и позднюю средневековую мусульманскую архитектуру исторического Азербайджана и современной Средней Азии. Наконец, средневековая христианская архитектура впервые рассматривается на теоретическом уровне историко-культурной интерпрета-

ции, а не на уровне археологического вещеведения.

Поэтому актуальность и новизна рецензируемых книг для советской истории архитектуры очевидна. Первая из них—первая обобщающая («теоретическая») история раннесредневековой христианской архитектуры (точнее, архитектуры греческого и негреческого Востока), которая вобрала в себя большинство новых достижений мировой истории архитектуры и поэтому сопоставима с соответствующими разделами таких лучших зарубежных книг как книги Р. Краутхаймера¹ и К. Манго².

Каковы же основные закономерности развития средневековой христианской архитектуры, явствующие из книг А. Л. Якобсона?

Общность развития раннесредневековой христианской архитектуры объясняется, во-первых, существованием метаэтнополитической общности—поздней Римской империи. Она объясняется, во-вторых, существованием метаэтнокультурной (метаэтноконфессиональной) общности—раннесредневекового христианского мира. Она объясняется, в-третьих, существованием метаэтнической «культуры-посредницы», связанной с христианским культом, которая включала в себя общую архитектурную иконографию раннесредневековой христианской культовой архитектуры при всевозможных различиях ее строительной техники, архитектурного декора и художественного языка. Общность развития раннесредневековой христианской архитектуры объясняется и тем, что в ее основе лежала античная архитектурная традиция, будь то в чистом виде или в виде передневносточного архитектурного «койне». Общая архитектурная иконография раннесредневековой христианской архитектуры частично состояла из иконогра-

¹ R. Krautheimer. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965.

² C. Mango. Architettura bizantina. Milano, 1974.

фических типов, унаследованных из античной архитектурной традиции.

В развитии раннесредневековой христианской архитектуры основное внимание заслуживает архитектурная иконография, а не строительная техника, и ее собственно история, а не предьстория. Сущность развития раннесредневековой христианской архитектуры состоит прежде всего в развитии архитектурной иконографии (за счет как создания новых иконграфических типов, так и отбора старых иконографических типов)—не только в ее качественном усложнении и количественном умножении. По мнению А. Л. Якобсона, сущность развития раннесредневековой христианской архитектуры состоит также прежде всего в качественном развитии архитектурной иконографии, связанном с изменением характера иконографических типов, но не в ее количественном развитии, связанном с изменением их частоты.

Источником развития раннесредневековой христианской архитектуры, объясняющим его общность, является прежде всего функция (добавим: наряду с модой на часть соответствующей ей архитектурной иконографии) и не народная сельская, а профессиональная городская архитектурная традиция. По мнению А. Л. Якобсона, источником развития раннесредневековой христианской архитектуры (особенно архитектуры негреческого Востока), объясняющим его общность, является также прежде всего «автоэволюция», а не диффузия (как функциональная, так и собственно архитектурная), в частности связанная с возвышением Константинополя к середине VI в. (как религиозным, так и собственно архитектурным).

Особенности развития раннесредневековой христианской архитектуры объясняются раннесредневековыми христианскими философско-эстетическими представлениями, связанными с понятием «эйкон». Они приводили к превращению архитектурной формы в иконографический тип, к каноничности архитектурной иконографии, к контролю над архитектурной иконографией со стороны церкви. В развитии раннесредневековой христианской архитектуры ведущую роль играли немногие памятники, обладавшие особым религиозным значением и иногда представлявшие но-

вые иконографический тип. Именно они играли роль образцов для многочисленных копий, полных или частичных, а иногда и для стереотипов—для моды.

Развитие раннесредневековой христианской архитектуры повсеместно (добавим: и на латинском Западе) распадается на два этапа. На первом этапе, до конца V—середины VI вв., повсеместно господствуют в качестве церкви базиликальные постройки. На втором же этапе повсеместно распространяются в качестве церквей купольные постройки. По мнению А. Л. Якобсона, на первом этапе повсеместно господствует аскетизм, в частности бедность архитектурного декора. На втором же этапе повсеместно распространяется репрезентативность, в частности богатство архитектурного декора.

Развитие раннесредневековой христианской архитектуры обладает региональными особенностями. На греческом Востоке (впрочем, и на латинском Западе) преобладает официальный заказ и поэтому крупные постройки. На негреческом же Востоке преобладает частный заказ и поэтому мелкие постройки.

Общность же развития зрелой и поздней средневековой христианской архитектуры (в том числе архитектуры латинского Запада) и отчасти зрелой и поздней средневековой мусульманской архитектуры (в основе которой, добавим, отчасти лежала средневековая христианская архитектурная традиция) объясняется и характеризуется менее определенно. По мнению А. Л. Якобсона, эта общность, противостоящая дифференциации средневекового христианского мира и отчасти средневекового мусульманского мира, а также дифференциации функции, объясняется ростом городов, расширением социальной базы заказа и поэтому миниатюризацией построек, а также той же «автоэволюцией», и характеризуется прежде всего развитием художественного языка (точнее, ростом декоративности во всевозможных проявлениях) при стабильности архитектурной иконографии.

Таковы в свободном изложении основные закономерности развития средневековой христианской архитектуры, прямо или косвенно являющиеся из книг А. Л. Якобсона, будь то бесспорные или спорные, но в их большинстве новые для советской истории архитектуры.

При всех их достоинствах книги А. Л. Якобсона не свободны и от недостатков. Наиболее важный недостаток состоит в том, что распределение памятников по странам (Константинополь, объединенные Греция и Италия, сведенная к Равенне, Малая Азия, объединенные Сирия, Месопотамия и Палестина) иногда не соответствует историко-географическому делению ранне-средневекового христианского мира и при этом не оправдывается их атрибуцией, и в том, что распределение памятников по странам иногда неравномерно: не освещены в их большинстве памятники Месопотамии³

³ См.: G. L. Bell. Churches and Monasteries of the Tur Abdin and Neighbouring Districts.—Zeitschrift für Geschichte der Architektur. Hf. 9, 1913; U. Monneret de Villard. Le chiese della Mesopotamia. Roma, 1940.

и Палестины⁴, а также памятники Западной Грузии⁵, тогда как памятники Равенны (за исключением церкви Сан Витале) здесь вообще излишни.

Тем не менее, книги А. Л. Якобсона впервые в советской истории архитектуры вводят в оборот обширный материал и дают его теоретическое обобщение. Это своеобразное творческое завещание покойного исследователя заставляет советского читателя-специалиста активно думать и тем самым двигаться вперед.

А. М. ВЫСОЦКИЙ (Москва)

⁴ См.: J. W. Crowfoot. Early Churches in Palestine. London, 1941; A. Ovdiah. Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land. Bonn, 1970.

⁵ См.: В. А. Леквинадзе. Монументальные памятники Западной Грузии I—VII вв. Автореф. докт. дисс. М., 1973.

А. А. ГРИГОРЬЯНЦ. Армяне в Средней Азии (вторая половина XIX в.—1917 г.). Ереван, 1984, 158 с.

Богата источниковедческая база рецензируемой книги. В ней использованы путевые заметки, периодическая печать, воспоминания. Были выявлены архивные материалы городов Ленинграда, Ташкента, Ашхабада, Кызыл-Арвата, Красноводска, Мары, Чарджоу, Самарканда, Коканда, Андижана и Ферганы. Подавляющее большинство архивных материалов вводится в научный оборот впервые.

Книга начинается с рассмотрения положения Средней Азии во второй половине XIX—начале XX вв. обстоятельно показывается возникновение армянских поселений. По данным А. А. Григорьянца, армяне посещали Среднюю Азию еще в далеком прошлом, т. е. в III—VII вв. и в последующее время. В частности, значительное число армян было угнано в Самарканд при Тамерлане. Однако, как правильно указывает автор, армянские поселения в более широком масштабе возникли только после присоединения Средней Азии к России. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что малоземелье и безземелье крестьян, ограбление и пора-

божение их ростовщиками и скупщиками, неурожайные годы—все эти факторы приводили к ускорению процесса расслоения и вынуждали крестьян отправляться в поисках работы и в Среднюю Азию. Кроме того, одной из причин переселения армян в Среднюю Азию явились трагические события в Западной Армении.

В книге приводятся интересные данные о численности армян в различных районах Средней Азии. Так, в 1909 г. здесь всего проживало 13.414 армян, из них в Ферганской области 1.162, в Самаркандской 774, в Сырдарьинской 457, в Семиреченской 11 человек. Основная масса, 11.007 человек, проживала в Закаспийской области. В 1913 г. общее число армян в Туркестане составляло уже 15.541 человека. Как правильно отмечается в книге, в классовом отношении армянские поселенцы не были однородны. В числе их были рабочие железнодорожных мастерских и промышленных предприятий, кузнецы, плотники, каменщики, кустары и ремесленники, медицинские ра-